

Горан Терборн

**ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К КУЛЬТУРЕ,
МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ В СТРУКТУРЕ
И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
ОБЪЯСНЕНИЕ В СОЦИОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ НАУКЕ**

Göran Therborn. Cultural Belonging, Structural Location and Human Action. Explanation in Sociology and in Social Science // Acta Sociologica: Journal of the Scandinavian Sociological Association, 1991, v.34, no.3, p.177-192.
© Scandinavian Sociological Association, 1991
Перевод к.ф.н. Е.В.Ананьевой

**1. ПОЧЕМУ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
ГРЯДУТ ПЕРЕМЕНЫ**

Вероятно, в ближайшем будущем социологическое теоретизирование претерпит изменения весьма драматического свойства. Сегодня на передний план выдвинулось, говоря словами Дж.Александера (Alexander, 1988), "новое движение за теорию": предпочтение отдается эрудиции и тщательной продуманности высказываний. Однако вряд ли можно считать, что благодаря этому после бурь и потрясений конца 60 – начала 70-х годов в социологии воцарились мир и согласие относительно парадигмы. Теоретическая социология фактически беззащитна перед лицом серьезной критики – и молчаливого неодобрения многих несоциологов, и критики открытой, которая, вероятно, будет нередкой в рамках самой этой дисциплины (нельзя исключить, что и нынешние ее лидеры предпримут радикально новые ходы).

Эти слабости современной социологической теории мы можем суммарно представить в виде двух положений.

1.1. Первое положение

Социальная теория и социальная наука фактически тождественны социологии. Это положение нашло свое отчетливое выражение в структуре изданного недавно Энтони Гидденсом и Джонатаном Тернером весьма представительного сборника "Социальная теория сегодня" (Giddens and Turner, 1987). Джеффри Александер (Alexander, 1987), весьма красноречиво защищая в этой книге непреходящее центральное значение классиков для социологического теоретизирования, противопоставляет "социальную науку" "естественной науке", хотя в действительности у него идет речь только о социологии.

Положение 1 означает, что за скобки выводятся экономические и другие внесоциологические теории социального взаимодействия, например теория игр. Во всех естественных и гуманитарных дисциплинах

нах существует склонность к интеллектуальному шовинизму и близорукости. Однако интеллектуальное течение, неспособное принять прямой вызов своим постулатам и быстро ответить на него, может оказаться на обочине научной мысли. Мощное продвижение моделей рационального выбора в целом ряде областей социальных исследований, таких как, политология, экономическая история и демография, привело также к ожесточенным контратакам на них или к тщательной проверке этих моделей в попытке доказать, что нормы и институты нельзя редуцировать к индивидуальному рациональному выбору. В результате возникла парадоксальная ситуация: в социальных науках ведется яростный спор относительно основных перспектив развития классической социологии, в то время как нынешнее социологическое теоретизирование отвергает само существование таких перспектив (единственным значимым исключением является Дж.Коулмен). В этой дискуссии, имеющей фундаментальное значение, лучшими защитниками классических социологических концепций до сих пор были политологи (Krasner, 1988; March and Olsen, 1989; Wildavsky, 1987), философы (Elster, 1983; 1989a; 1989b) и историки (Basu et al., 1987; Field, 1984; см. также, например, Granovetter, 1985, и различные точки зрения, представленные в: Swedberg, 1990). Социологические "ставки" здесь исключительно высоки, и не замечать дискуссию уже невозможно, а мнение, будто Парсонс раз и навсегда разрешил "дилемму утилитаризма", вряд ли будет впредь основополагающим в социологической теории.

1.2 Второе положение

Основная задача социологической теории состоит в том, чтобы концептуализировать социальный порядок и его возможность и/или социальное действие. Приведем несколько примеров: "Понятия теории структуры, подобно любой конкурирующей теоретической перспективе, для множества исследовательских целей должны считаться не чем иным, как сенсбилизирующими приспособлениями" (Giddens, 1984, p.236). "Отправной точкой теоретического мышления и эмпирической работы в социальных науках должен... считаться анализ повторяющейся социальной практики" (Giddens, 1989, p.252, курсив опущен. – Г.Т.). "Моей целью является теоретизирование относительно условий культурной стабильности или изменений" (Archer, 1988, p.XVIII, курсив опущен. – Г.Т.). "Я намерен рассматривать действие как движение в двух основных измерениях: интерпретации и стратегизации... Эти два аспекта следует считать аналитическими элементами потока эмпирического сознания" (Alexander, 1987, p.300).

Более амбициозный, на первый взгляд, проект "аналитического теоретизирования" Джонатана Тернера (Тернер, 1994) тоже оказывается лишь разработкой "сенсбилизирующей схемы для анализа человеческой организации".

В теоретизировании того типа, который превалирует ныне в общей социологии, совершенно отсутствует или считается второстепенным именно стремление *объяснять*. Весьма слаб интерес к вопросам типа: "Почему эти люди действуют таким образом? Почему данный социальный порядок изменяется именно таким образом?"

Не вдаваясь в эпистемологические споры, можно сказать, что объяснить нечто – значит привести правдоподобное основание (account), почему это нечто произошло в ситуации, в которой существовала по меньшей мере еще одна возможность. Концептуализация – необходимая составляющая теоретизирования, и она всегда занимала значительное место в теоретической работе социологов. Тем не менее в ближайшем будущем необходимость концентрации усилий на разработке, обсуждении и сравнении концептуальных схем, весьма вероятно, будет оспорена или отпадет вовсе.

Как правило, в объяснении усматривают более высокую научную задачу, чем в концептуализации, которую часто считают средством для объяснения цели исследования. Концепция рационального выбора, бросающая вызов всем социальным наукам, сосредоточена непосредственно на объяснении. До сих пор компромисс в господствующей социологической теории по большей части был основан на интересе к "действию" и к [человеку как] "действующему субъекту" ("agency"). В эмпирическую исследовательскую практику социологов во все возрастающей мере эксплицитно включалось каузальное моделирование в путевом анализе, регрессионных уравнениях, моделях LISREL и т.д. В такой обстановке продолжение исследований того, как следует понимать действующих и человеческое действие, возможно, скоро станет занятием неблагоприятным и сомнительным.

2. ОБЪЯСНЕНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Несмотря на длительное господство в общесоциологической теории концептуальных схем, уровень чувствительности которых сам является предметом спора, а различия в повседневной практике социологов-эмпириков обнаруживают весьма широкий разброс, все-таки, по моему, существует некий основной способ социологического объяснения. Было бы наивно утверждать, что он включает всю работу по объяснению, которую проделывают люди, претендующие на звание социолога. И тем не менее, по моему разумению, сюда входит большинство основных вариантов этой работы, особенно то, что называют неоклассической социологией: разнообразные соперничающие течения, по большей части объединенные признанием работ Дюркгейма, Маркса и Вебера в качестве изначального и классического свода социологии. Насколько я понимаю, это же может относиться и к объяснениям, предложенным интерпретативной микросоциологией и структурным сетевым анализом. Ниже я попытаюсь дать формулировку данного типа социологического объяснения, соотнося его с другими способами объяснения в социальных науках.

В социальных науках предпринимается попытка объяснить две группы феноменов – *человеческое социальное действие и результаты человеческого социального действия*. Во-первых, ученые-обществоведы выясняют, почему люди действуют именно таким образом в социальных отношениях и во взаимоотношениях с другими людьми. Во-вторых, нас интересует совокупность явлений, которые можно обозначить как "результаты" человеческого социального действия, даже если нам удобнее говорить, скажем, о распределении дохода, возрождении ислама, продолжительности брака. Сохранение

или изменение институтов, социальных отношений, моделей созданных человеком ресурсов – все это можно рассматривать или объяснять в качестве результатов человеческого социального действия, не прибегая (непременным образом) к принципу "методологического акционализма" (Van Parijs, 1981).

Прежде всего давайте представим объяснения действия. Необходимые элементы explanandum'a таковы: совокупность действующих, совокупность ситуаций и совокупность вероятных действий, имеющих хотя бы две альтернативы. Академическое разделение труда во многом поделило дисциплины и поддисциплины социального исследования соответственно изучаемым ими типам действований. Так, экономисты занимаются действиями различного рода предпринимателей на рынке, политологи – политиками и граждан, исследователи процесса обучения – действиями учителей и учеников, а социологи занимаются всем понемножку, кроме специфически экономических, политических и т.д. типов действия. Все же и в неоклассическом синтезе в социологии, и в моделях рационального выбора, бросивших вызов социологии, считается, что прагматическое разделение дисциплин соответственно группам действий в научном отношении нерелевантно или, по крайней мере, вторично. Итак, остается два аспекта различения объяснений социального действия – это характеристика совокупности действующих и характеристика совокупности ситуаций.

В контексте объяснения решающее значение имеет различение вариации, которую мы изучаем, и вариации, которая берется как данное, либо predeterminedное, либо случайное. Последние две характеристики отнюдь не синонимичны, но для простоты в Табл. 1 такое различение не проводится. За некоторыми исключениями (о них мы упомянем ниже), в моделях рационального выбора действующие рассматриваются как данное. Предполагается, что даны их предпочтения и склонности к максимизациям, а все остальное у них случайным образом различно.

Таблица 1. Объяснения социального действия

Действующие	Ситуации	
	Заданные	Переменные
Заданные	Традиционная теория игр	Экономические науки
Переменные	Социология, антропология трад. политическая наука	Составные модели

При типичном, теоретико-игровом подходе и действующие (ведущие себя рационально), и ситуации рассматриваются как нечто заданное, причем ситуация задается матрицей выплат (pay-off matrix) (Льюис и Райфа, 1961; Harsanyi, 1982; Axelrod, 1984). Объяснение фокусируется на следующих вопросах: какова оптимальная стратегия для каждого игрока в данной игровой ситуации? Есть ли у игры равновесное состояние – одно или несколько – и что из этого следует? Теорию игр

также распространили и на игры на нескольких аренах, игры в игре, например институциональные или конституциональные игры (Tsebelis, 1990), в которых основная логика объяснения становится схожей с логикой объяснения в экономике.

Для экономики типично объяснение действия изменчивостью ситуации, главным образом за счет колебаний цен и доходов (Беккер, 1993; ср. Elster, 1989b, p.97–98). Действующие даны: они, как считается, максимизируют полезность приобретаемого ими набора благ и обладают "стабильными предпочтениями". Предполагается, что "предпочтения не изменяются сколь-нибудь существенно с ходом времени и не слишком разнятся у бедных и богатых или даже среди людей, принадлежащих к разным обществам и культурам. ...Предпосылка стабильности предпочтений обеспечивает прочную основу для предсказания реакций на те или иные изменения..." (Беккер, 1993, с.26–27. Как писал Пшеворский (Przeworski, 1986, p.88), "сила неоклассической экономической науки состоит в способности отделить анализ *действия, совершаемого в данный момент*, от всего, что создало условия совершения действия" (курсив мой. – Г.Т.). Изменчивость ситуации заключается в вероятных издержках и прибылях как следствиях различных решений в момент выбора. При изменении (вероятных) стимулов действующие поступают по-разному, но их поведение предсказуемо.

Предположения о максимизации полезности и стабильных предпочтениях не обязательно требуют наличия каких-либо исключительно эгоистических или финансовых предпочтений, а также чтобы предпочтения были у всех одинаковыми. Специфика "функции полезности" конкретной совокупности действующих может быть определена различными путями, причем отличными от определения специфики функции полезности других совокупностей действующих. Однако суть заключается в ином. Объяснение и прогнозирование в экономике обычно опираются на основополагающий тезис, что действующие обладают данными предпочтениями и подчиняются признанным правилам принятия решений.

Исходный же тезис социологического – и, в сущности, сходного с ним антропологического – объяснения противоположен экономическому. Экономисты полагают, что в целях сколь-нибудь разумного научного анализа следует придерживаться мнения о стабильности предпочтений и что "о вкусах спорят", т.е. вкусы людей примерно одинаковы (Stigler and Becker, 1977, p.76). Социологи и антропологи, наоборот, отгакиваются от тезиса, что действующие делятся на разного рода категории и группы и относятся к разным историческим эпохам. На взгляд социологов и антропологов, социальные действия различаются, потому что неодинаковы сами действующие, принадлежащие к разным группам, полам, классам, обществам, культурам и т.д.

Вместе с тем обычно предполагается, что изменения ситуаций или обстоятельств действия даны случайно. В терминах понимающей социологии, ситуация задана тем, как ее определяют действующие. Возможности выбора, которыми располагает социологический действующий, обычно изменяются в зависимости от ценностей действующего,

от принятых им норм и от понимания им ситуации, от местоположения действующего в социальной структуре, а не от непосредственной ситуации действия. Местоположение в социальной структуре иногда считают "ситуацией", в которой оказывается действующий, однако эта "ситуация" является более или менее постоянной характеристикой действующего, и ее не следует путать с обстоятельствами совершения отдельного действия, которые надо объяснять особо. Альтернативы определяются культурой или "задаются структурным образцом" (ср. Stinchcombe, 1975, p.14ff), так что ситуации действия, как считается, имеют с ними "несущественные различия". То, что Стинчком в блестящем анализе концепции Роберта Мертона – автора, видимо, самых ясных в социологии объяснений – называет социально структурированными альтернативами (см. Stinchcombe, 1975, p.12), в терминах используемого здесь различения "действующий/ситуация" оказывается альтернативами, "структурированными" принадлежностью действующего к культуре и его местоположением в структуре.

Политическая наука, как в ее бихевиористском, так и в конституциональном вариантах, традиционно исходила в своих объяснениях из действующих – различия их позиций, ценностей или интересов – и практически не занималась разработкой сколько-нибудь общей теории политического действия. В последнее время политическая наука стала все чаще адаптировать экономические модели.

Характерные черты экономического и социологического объяснения можно найти в клеточках 2 и 3 [приведенной выше схемы] соответственно. Различие между ними ярко продемонстрировал Амитаи Этциони, недавно высказавший решительные возражения против экономической науки. Этциони утверждает, что "в большинстве случаев совершение выбора предполагает слабую (или не предполагает вообще никакой) обработку информации (о ситуации. – Г.Т.), но в значительной мере или полностью зависит от аффективных привязанностей или нормативных обязательств (действующих. – Г.Т.)" (Etzioni, 1988, p.95). Иными словами, по Этциони, действующих не заботит ситуация, в которой они находятся, и то, как она меняется: они действуют в соответствии со своими конкретными привязанностями и обязательствами. Управляют выбором по большей части "привычки" и "инерция" действующего, а не цены и усилия (Etzioni, 1988, p.161).

С другой стороны, не все социологи стоят на собственно "социологической" точке зрения. Социальная теория Джеймса Коулмена (Coleman, 1990) – известного чикагского социолога, явно изоморфна экономике и отличается от нее в основном анализом обменов правами на совершение действия и их последствиями. В центре микросоциологической теории "состояний ожиданий" Джозефа Бергера и др. (см. общий обзор этой концепции: Berger et al., 1985) тоже стоит вопрос, как условия ситуации формируют ожидания действующего относительно поведения других.

Следует добавить, что имеются и составные схемы объяснения. Обычно "социологическая" дифференциация действующих сочетается в них с "экономической" точкой зрения на изменение ситуации. Примерами из экономики могут служить теории, в которых центральное место занимают различия в исходных ресурсах или "специфичность активов",

которыми располагают действующие (или совокупности действующих), как в теориях международной торговли или в теории организаций (Williamson, 1985; см. также Уильямсон, 1993). Еще один пример – марксистский классовый анализ с применением микроэкономического моделирования (Przeworski, 1985). Некоторые течения экономической социологии (например, White, 1988) составляют третий подвариант. Все они занимаются вариацией поведения действующего, определяемой наличными ресурсами, т.е. системной вариацией. Несмотря на то что Коулмен (Coleman, 1990, p.132) подчеркивает важность "конституции" социальной системы, т.е. первоначального распределения контроля над ресурсами среди действующих, все же она в его теории вторична и производна от порождения норм и конституций в любой совокупности рациональных действующих.

Марч и Олсен (March and Olsen, 1989) дали набросок составной модели, в центре которой – изменения идентичности действующих. Через "логику соответствия" они соединили следующие правилам "человека социологического" с изменчивостью ситуации: "Политические действующие связывают определенные действия с определенными ситуациями посредством правил соответствия. То, что подходит для конкретного человека в конкретной ситуации, определяется политическими и социальными институтами и передается путем социализации. Поиск предполагает изучение характеристик конкретной ситуации, а выбор – приведение поведения в соответствие с ситуацией" (March and Olsen, p.23). Далее вычленяется три типичных вопроса и один императив в составе того, что они называют "обязательным" действием в противовес "упреждающему": "1.К какому типу принадлежит эта ситуация? 2.Кто я такой? 3.Насколько подходят для меня различные варианты действия в данной ситуации? 4.Делай то, что наиболее уместно". Эта составная модель очень односторонняя. В противоположность моделям, выдвигающим на передний план только вариацию ресурсов, которыми располагают действующие, у Марча и Олсена ситуационные вариации анализируются "в рамках концепции идентичности [действующего]".

В целом, по-моему, прогресс в развитии социологической теории и политической науки, родственной социологии, предполагает также и достижение согласия в понимании того, как различные действующие действуют в различных ситуациях. Однако до сих пор мы только локализовали типично социологические объяснения в более общем пространстве объяснений, присущих социальной науке. Обозначив это пространство, мы должны попытаться более внятно и позитивно определить собственно социологический способ объяснения. Мы вновь сосредоточимся по преимуществу на объяснении действия, а не на том, какие оно имеет последствия.

3. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАЦИЯ ДЕЙСТВУЮЩИХ

Весь диапазон социологических объяснений представляет собой как бы свод, держащийся на двух опорах. Эти важнейшие моменты были зафиксированы уже в первом выдающемся неоклассическом синтезе социологии, "Структуре социального действия" Толкота Парсонса (Parsons, 1937). Правда, Парсонс установил скорее «систему координат»,

нежели способ объяснения, причем сосредоточил свое внимание на одной из двух основ, а именно, ценностях и нормах действующих. Другая опора социологических объяснений – условия действования. В главном русле социологического теоретизирования значительное внимание им было уделено уже у Роберта Мертона (Merton, 1957): здесь речь идет о "структуре возможностей" (ср.: Sztompka, 1986, p.162–163). Впоследствии этот тип социологического объяснения занял достойное место, когда марксистский классовый анализ получил социологическое "гражданство" и была радикально переосмыслена веберовская концепция власти.

Зрелый неоклассицизм как результат соединения социологизированного Маркса и теперь уже не идеалически трактуемого Вебера с первоначальными идеями Парсонса, обогащенный наследием Мида, феноменологией и лингвистическими теориями, не был должным образом кодифицирован, в том числе, разумеется, и в качестве объясняющей теории. Отдельные авторы, внесшие в неоклассическую социологию наибольший вклад, – Юрген Хабермас (Habermas, 1982; см. также Хабермас, 1993) и Энтони Гидденс (Giddens, 1984) – не были в первую очередь заинтересованы в объяснении. Оба теоретика использовали свои глубокие классические исследования в основном для того, чтобы подкрепить свои собственные концептуальные схемы.

Вместе с тем всеохватывающие и всепримиряющие теоретические обзоры до сих пор сбиваются на школярский биографический подход к социологической теории (см. Collins, 1988) (хотя к работе Коллинза это относится в несколько меньшей степени, чем к удачному биографическому учебнику Тернера – см. Turner, 1986).

В этих условиях представляется необходимой простая спецификация основных переменных объяснения, характерных для социологии, – достаточно общих и безличных, чтобы дать простор продолжающемуся соперничеству разного рода "измов" и ранимых честолюбий.

С этой точки зрения, по-моему, объяснения социологического типа (обнаруживаемые также в антропологии, политической науке и в историографии) сводятся к объяснению поведения людей различиями в культурной принадлежности, местоположением в социальной структуре или взаимодействием того и другого. Социологи расходятся во мнениях и спорят по поводу относительной весомости этих двух основных совокупностей переменных и относительной значимости основных характеристик каждой из совокупностей. Обычно считают, что объясняющие переменные не детерминируют индивидуальное поведение. Скорее, культурная принадлежность и местоположение в структуре детерминируют степень или вероятность выбора в популяции действующих.

4. КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ДЕЙСТВУЮЩИХ

Принадлежность к культуре в самом общем смысле означает включенность в универсум общего знания. В объясняющих терминах культурная принадлежность действующих – это именно то, что наделяет их варьирующейся надындивидуальной движущей силой.

Отстаивая на протяжении всей своей статьи положение "о вкусах не спорят" ("de gustibus non est disputandum"), экономисты Джордж Стиглер и Гэри Беккер в конце, между прочим, добавляют: "Стоит ли говорить, что мы будем приветствовать появление объяснений того, почему одни люди увлекаются спиртным, а другие – Моцартом" (Stigler and Becker, 1977, p.89). Именно с такого рода вопросов начинают социологи.

а) Предпочтения людей различаются, поскольку они принадлежат к разным культурам, из которых они усвоили различные жизненные цели и желания, конкретные нормы правильного поведения, особые способы выражения эмоций и владения ими; каждая из этих переменных по-своему важна. Это и есть объяснение действенности, так как люди с разными предпочтениями или разным чувством долга действуют по-разному. Объяснение может иметь силу постольку, поскольку значит больше, чем утверждение: "А действует ради получения x, ибо он/она принадлежит к культуре, желающей x". Источником элементарной значимости объяснения служит один из аспектов культуры, включенный во все ее повседневные определения и коннотации: культура, помимо прочего, является совокупностью тесно связанных (bundle) предпочтений и норм. Поэтому культур гораздо меньше, нежели предпочтений и вкусов. Вероятность того, что, например, североамериканский еврей, принадлежащий к среднему классу, будет поклонником Моцарта, гораздо выше вероятности, что увлекаться Моцартом будет поденщик с Явы; а вероятность того, что рабочий – ирландец или финн – будут любителями спиртного, гораздо выше вероятности, что его любителем будет крестьянин-мусульманин. Социологи предполагают, что эти связки культурных стандартов обладают определенным постоянством. С социологической точки зрения правомерно предположить, что английский джентльмен (или английская леди) будет вести себя одинаковым образом в весьма различных ситуациях и в любых концах Британской империи.

б) Принадлежность к культуре означает, далее, усвоение определенной когнитивной и коммуникативной компетенции, определенного языка, социального горизонта, мировоззрения или совокупности верований, способа толковать и определять ситуации, справляться с неопределенностью и посылать сигналы. Принадлежать к определенной культуре означает здесь быть частью особого универсума смысла и особого способа конструирования и передачи смысла. Объяснение, опирающееся на эту особенность культуры (конечно, в более сложном контексте она должна быть дифференцирована), попадает прямо в точку – в зависимости от того, насколько определенная культура стабильна во времени и в разных ситуациях и насколько специфичны восприятие, обсуждение и реакция ее носителей на те или иные явления и события. В отличие от экономистов, социологи рассматривают разговор как форму действия, также заслуживающую объяснения. И здесь, конечно, модель действия как "выбора" оказывается на грани краха: ведь речевое сообщество может установить довольно узкие пределы того, о чем позволительно говорить.

В той мере, в которой использование символов способствует укреплению власти или позволяет бросить ей вызов, объяснение действова-

ния с точки зрения культуры релевантно также и для макрополитики и соперничает, скажем, с политическими моделями общественного выбора.

в) Третий важнейший аспект принадлежности к культуре – общность *идентичности* действующего с одними людьми и общность *дифференцированности* относительно каких-то иных людей. Как переменная, объясняющая социальное действие, "идентичность/дифференцированность" – это важная детерминанта коллективного действия. Идентифицировать себя с другими людьми значит в некотором смысле не делать различий между ними и мною и, следовательно, быть готовым на жертвы ради других, идентичных со мною.

Идентичность/дифференцированность, далее, функционирует так, что неизбежно влечет появление общих, специфических для данной культуры позиций *доверия* и *недоверия*. Объяснительная сила этого аспекта культурной принадлежности зависит от истинности положения о том, что люди предсказуемым образом отличают тех, с кем они себя идентифицируют, от других и действуют по отношению к первым иначе, чем по отношению ко вторым.

Несмотря на весьма общий характер, указанные измерения социологических объяснений культурной принадлежности показывают, что, вопреки утверждениям Юна Эльстера (Elster, 1989, p.97ff), социологическая альтернатива моделям рационального выбора едва ли может быть сведена к объяснению через социальные нормы. Системная вариативность действующих в плане идентификации и когнитивных перспектив – также неотъемлемая часть социологии.

Культуры [всегда во что-то] помещены: одна в другую (иногда - в сложных взаимоотношениях), в роли, ролевые комплексы, ролевые структуры, в подгруппы, группы, этносы или "общества", "цивилизации" и/или что-то иное. В социологических/политологических/антропологических объяснениях культуры определяются скорее через их границы, т.е. различия совокупностей действующих (ср. Barth, 1969, p.14ff), чем через их внутреннюю сущность.

5. МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ ДЕЙСТВУЮЩИХ В СТРУКТУРЕ

Пытаясь выработать объяснение, следует избегать сущностного определения "социальной структуры", так как это понятие используют настолько разнообразно, что оно перестало быть критерием различения соперничающих школ в социологии (Smelser, 1988). С точки зрения действия, влияние структуры можно рассматривать либо в качестве ресурса, либо ограничения действия (или того и другого), и соответствующая система координат – это совокупность действующих, а не "общество" или "группа". Масштаб соответствующей совокупности определяется *explanandum*'ом и применяемой теорией. В реально существующей социологии совокупность действующих варьирует от диады до "мировой системы". В той мере, в какой в объяснениях с точки зрения местоположения в структуре вообще уделяется внимание культуре, соответствующая совокупность является также и (суб-)культурой или ее частью.

В этом случае местоположение в структуре будет означать *местоположение действующего относительно (более или менее) стабильно распределяемых ресурсов и ограничений действия в популяции действующих*. Это основное направление объяснений социологического типа исходит из предположения о том, что, независимо от наличия универсальных, стабильных предпочтений или специфических культурных ценностей, интерпретаций и идентичностей, отличия между действующими в отношении к ресурсам и ограничениям носят ярко выраженный и довольно постоянный характер; эти отличия влияют на их действия в сходных ситуациях.

Общепризнана неопределенность культуры. Но она гораздо легче поддается обобщенному рассмотрению, чем все точные понятия социальной структуры – противоречивые, а следовательно, и произвольные. Однако, как выясняется, основные признаки "местоположения в структуре" как социологической переменной объяснения могут быть переданы следующей трихотомией. Существуют *институционально влияющие* на местоположение, стандарты ресурсов и ограничений действующего и *институционально вторичное/неинституционализированное* распределение ресурсов и ограничений. Помимо этих двух типов структурирования институционального пространства, в которое помещена данная совокупность действующих, существует и третий – *временной* порядок, дифференцирующий последовательность, в которой действующие попадают в сходные ситуации, и задающий тем самым различия между вариативными ресурсами и ограничениями действующего. Иными словами, принадлежность к культуре определяет, кто входит в структуру, а кто находится вне структуры, в то время как местоположение в структуре дифференцирует стоящих наверху и внизу (ср. Therborn, 1980, p.23ff).

а) Регулируемые социальные установки, "игры" или институты, в которых действуют люди, обычно предполагают, что имеется *стандарт институциональных установок*. Он может быть эгалитарным, но по большей части демонстрирует внутренне присущую распределению ресурсов и ограничениям дифференциацию. Это относится к кровным родственникам и семье на протяжении практически всей человеческой истории, к большей части способов производства, к крупным организациям и политическим системам. Экономисты, которые иногда все-таки обращают внимание на такого типа различия между действующими, могут усмотреть такую первичную структуризацию в распределении исходных ресурсов. Марксисты увидели бы имущих и неимущих, а иногда и "противоречивое классовое положение" (Wright, 1985). Феминистки же особо отметили бы разделение труда и власти по половому признаку. Исследователи организаций и политики провели бы различие между теми действующими, кто принимает, проводит в жизнь и исполняет политические решения, или же ввели бы какие-то иные различия в соответствии с распределением ресурсов власти и накладываемыми ограничениями.

Эти виды дифференциации действующих (в той мере, в какой они действительно имеют место) носят решающий характер, поскольку относятся к социальной обстановке, определяемой или, по меньшей мере, поддающейся определению различными типами действующих. В свою

очередь, это означает, что местоположение в структуре дифференцирует рациональные интересы в данной обстановке, в рамках данной культуры. Еще один способ объяснения предложил Георг Зиммель, который показал "значимость чисел в социальной жизни" (Simmel, 1964 [1908]). Питер Блау (Blau, 1977) выступил как последователь Зиммеля и ввел в [научный оборот] целый ряд предположений о том, как размер группы, гетерогенность и неравенство членов группы влияют на социальное действие. А Ю.Эльстер утверждает, что теория социального выбора лучше всего работает применительно к "действиям одного агента или многих агентов, но в рамках решения умеренно сложных проблем" (Elster, 1989a, p.27).

б) Действительно универсальным, хотя и не самым важным, является другой тип местоположения в структуре. Речь идет о *центральной или периферичности* как позициях, существующих *de facto*, но *не определяемых*. В частности, это касается культурных потоков (информирование о культурных целях, смыслах и идентичностях) и доступа к другим действующим, например находящимся вне цепочек команд или ролевых структур. Значение этого фактора для объяснения зависит от того, насколько действия действующего задаются стандартом типичным для стабильного местоположения: культурной центральности или маргинальности (см. Park, 1964 [1928]), и/или местоположением в неинституционализованных сетях [взаимодействий] действующих (см. Wellman and Berkowitz, 1988). Этот тип местоположения в структуре играл в свое время заметную роль в описаниях. [Он был использован в] социометрических картах "звезд" и "маргиналов" в сетях межличностных отношений, а также в подходе к изучению отношений на производстве с точки зрения неформальных групп.

в) Действующие оказываются в сходных ситуациях в разной *временной последовательности*, в силу чего ресурсы и ограничения действующих находятся под влиянием либо увеличения ресурсов (благодаря учету прошлого опыта), либо усиления ограничений (благодаря заранее сделанному выбору). В целом данный аспект местоположения в структуре не имел большого значения для социологической теории. Он, видимо, более известен из работ экономического историка Александра Гершенкрона (Gershenkron, 1962) и из процесса принятия решения в организациях, устроенных по принципу "мусорного бака" ("garbage can"), т.е. на основе временной сортировки (Cohen et al., 1972). Однако это – аспект *sui generis*^{*}, имеющий очевидную значимость в исследованиях миграции и межэтнических отношений, в теориях политических массовых организаций и в глобальном развитии современности (что касается политической современности, ср. Therborn, 1990).

6. КУЛЬТУРА И/ИЛИ СТРУКТУРА

Две совокупности вышеуказанных детерминант, влияющих на действующего, можно рассматривать в качестве первичных-вторичных,

^{*} особого рода (лат.). – Прим. пер.

конкурирующих между собой или взаимодействующих. Парсонсианская социология, или наука о политической культуре (Almond and Verba, 1963; Verba et al., 1987; Wildavsky, 1987), и марксизм представляют собой два варианта утверждения первичности: первая приписывает первичность культуре, вторая – местоположению в структуре. В концепции политической социологии Адама Пршеворского (Przeworski, 1985) описывается целый ряд конкурирующих основ формирования привязанностей действующих (в данном случае избирателей), причем конкурируют здесь между собой различные партии или "политические предприниматели". Примером взаимодействия культуры и структуры в неоклассической социологии является объяснение Робертом Мертоном отклоняющегося поведения: "Моя основная гипотеза состоит в том, что отклоняющееся поведение с социологической точки зрения можно рассматривать как симптом разрыва связи между предписанными культурой стремлениями и определенными социальной структурой путями осуществления этих стремлений" (Merton, 1968, p.188).

Здесь, вероятно, уместно напомнить читателю о задаче данной статьи, скромно-всепримирающей и в то же время амбициозно-критической. Она заключается в утверждении, что социология и общесоциологическая теория должны заниматься объяснением. Мы также стремились дать очерк объяснений социологического типа (как собственно социологических, так и принадлежащих родственным дисциплинам), воздерживаясь при этом от категоричных заявлений о том, что должна делать социология. Мы – что особенно важно – не станем поднимать на щит какое-либо конкретное объяснение социологического типа, выбранное из достаточно широкого и представительного спектра соперничающих течений. Но, учитывая небольшой объем публикации, надо признать, что трактовка культуры и структуры у нас довольно поверхностна.

Поэтому данный ключевой раздел лучше всего завершить, указав на некоторые проблемы, более или менее общие для представленного здесь типа объяснения, характерного для социальных наук. Основная общая проблема, конечно же, заключается в отсутствии каких бы то ни было попыток систематизированной и в то же время несектантской кодификации работы, проделанной по меньшей мере тремя поколениями социологов (классической социологией, первой неоклассической социологией Парсонса и его учеников и последователей, а также социологией, сформировавшейся в 70–80-е годы). Подобная ситуация способствует распылению сил, а не совместной творческой работе.

Хотя культуры представляют собой совокупности целей и норм, идентичностей и когнитивных/коммуникативных компетенций и это позволяет давать весьма [сжатые,] экономичные объяснения, все-таки объяснения с опорой на культуру отчасти кажутся чем-то, что применимо лишь для того или иного особого случая. Недавние социологические исследования в области культурного анализа, несмотря на всю их глубину и тщательность (Archer, 1988; Alexander, 1990), едва затрагивают эту проблему. Недавний пример еще большей "культурной скупости" представляет модель "группа/координатная сетка" (group/grid), построенная Мэри Дуглас (см. Douglas and Wildavsky, 1982; Wildavsky, 1987).

7. РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЙСТВИЯ: ПРОСЛЕЖИВАНИЕ КАУЗАЛЬНЫХ ПЕТЕЛЬ

Невероятно распространившееся племя социологов интересуется последствиями человеческого действия самого различного рода. Однако призванная заниматься систематизированным объяснением социологии (а также антропология, родственная социологии политическая наука и историография) должна особое внимание уделять двум группам результатов действия – принадлежности к культуре и местоположению в структуре. Только тогда можно будет замкнуть каузальную петлю между действием и его результатами.

Основная трудность для анализа собственно социологических результатов – отсутствие сколь-нибудь серьезных разработок механизма достижения равновесия в отношениях, складывающихся в сфере культуры и в рамках структуры, несмотря на весь интерес к культурному и структурному порядку. Более того, крайне мало широко признанных концепций динамики культурных и структурных процессов. Правда, существуют изоциренные теории культурных циклов (Hirschman, 1982; Шлезингер, 1992), первоначально разработанные собственно социологией (Sorkin, 1937–1941), а ныне развивающиеся вне ее рамок. В марксизме также содержатся предсказания относительно структурной динамики, централизации капитала, концентрации рабочего класса, все возрастающего социального характера производительных сил и т.д. От Спенсера и Дюркгейма пошла другая концепция структурной динамики, акцентирующая внимание на горизонтальной дифференциации местоположения в структуре (Luhmann, 1985; Alexander and Colony, 1990). К тому же, например, проведен большой объем эмпирических исследований национальной и временной дифференциации мобильности внутри и вне рамок местоположения в структуре и его детерминант (совсем недавно осуществлен крупный проект, CASMIN, координатор – Джон Голдторп). Независимо от того, насколько оправданно это положение, правильно будет, по-моему, сказать, что относительно динамики культуры и структуры единого мнения пока нет.

Почему и когда люди меняют идентичность, например, причисляют себя к этнической группе или исключают себя из нее? Почему и когда люди становятся религиозными или прекращают быть таковыми? Что заставляет нормы меняться? Или, формулируя более абстрактно, почему люди придерживаются какой-либо определенной культуры? При каких условиях они прекращают ее придерживаться? Что касается структуры, то при каких условиях меняются институциональные образцы распределения и неинституционализированное расположение в структуре? Когда и в какой мере государственное управление и/или коллективные действия способны изменить институциональную структуру или взаимное местоположение категорий в ней? Когда сможет быть уничтожено институционализированное распределение ресурсов? И наконец, вопрос более общего характера – каким образом усилия индивидуальных действующих начинают конституировать совокупный способ действования (ср. Alexander et al., 1987)?

В целом социологи недостаточно осознают задачу, состоящую в замыкании каузальных петель, хотя несколько обратных примеров все-

таки имеется. В теории референтных групп Мертона (Merton, 1957) разработано положение о том, что принадлежность к культуре является, хотя бы отчасти, результатом действия, равно как и его источником. В социологии государства благосостояния хорошо обоснован тезис о том, что распределение жизненных шансов во многом является результатом политического действия, которое берет начало в коллективной организации неимущих (Korpi, 1983; Ringen, 1987).

8. ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА: КУЛЬТУРНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ СИТУАЦИИ

Рискнем теперь предложить наметки того, что нам представляет многообещающим направлением дальнейших разработок социологических и общесоциальных научных объяснений. Результаты действий можно разделить на две основные подгруппы. Они могут относиться только к тому, что происходит с культурой, к которой принадлежит действующий, или со структурой, место в которой он занимает. Однако эти результаты могут и скорее всего будут воздействовать на отношение к другим культурам и структурам. То, что относится к первой подгруппе, часто называют проблемой воспроизводства, или системными тенденциями социальной системы. Относящиеся ко второй подгруппе результаты действий ведут к историческим коллизиям, или *rendez-vous manqués*^{*}, составляющим особо важную категорию ситуаций действия – ситуаций, определяемых культурой и структурой.

Культурно детерминированным действиям присуща сильная тенденция к воспроизведению культуры, являющейся источником характерного для нее чувства идентичности, ее (смыслового) мира, ценностей и норм. Правда, можно легко выделить по меньшей мере две характерные для воспроизводства культуры проблемы, которые, видимо, представляют исходный материал культурной динамики. Первая проблема – это социализация новых носителей культуры. Социализация всегда проходит сложно и может стать трудноосуществимой, если культура находилась под сильным влиянием уникального или специфического исторического опыта предшествующего поколения. Вторая проблема заключается в том, что поддерживать стойкую приверженность какой-либо культуре в течение достаточно длительного времени довольно трудно, даже если этот период укладывается в жизненный цикл одного поколения.

До тех пор пока действующие ведут себя определенным образом в силу их местоположения в структуре ресурсов и ограничений, структурный исход [этих действий] является результатом игры стратегического взаимодействия, которая может иметь или не иметь одно или несколько равновесных состояний. Первоначальное распределение может стать более равным, более поляризованным или может оставаться прежним, несмотря на все попытки изменить его. Анализ стратегического взаимодействия был разработан в весьма стилизованных формах – рынков и простых игр, но наметки его также встречаются и в историческом материализме и в теории организации еще со времен "же-

^{*} несостоявшимся встречам (фр.). – Прим. пер.

лезного закона олигархии" Роберта Михельса. Анализ стратегического взаимодействия следует поставить в центр исследования довольно запутанных структур, которые представляют для социологов особенный интерес.

Действия, связанные с явной или скрытой конкуренцией между культурами и структурами, в значительной степени детерминируют характеристики будущей культурной принадлежности и местоположения в структуре. Подход к культурно-структурному анализу с точки зрения конкуренции до сих пор недостаточно систематически использовался социологами. Однако этот подход весьма перспективен, поскольку изменение культуры или культурной принадлежности, изменение структуры распределения означает переход к другой культуре или структуре; устойчивость же данной культуры или структуры означает невозможность установления другой культуры или структуры (см. Therborn, 1980, p.77ff). Суть этой идеи могут продемонстрировать три ярких примера подобных вариаций в конкуренции культур и структур.

а) *Изоляция.* При прочих равных условиях представляется, что степень изоляции является основной детерминантой устойчивости или изменения данной культуры или структуры. Чем более изолирована культура или структура, тем более она стабильна и менее податлива к попыткам изменения, если таковые будут предприниматься. С точки зрения объяснения действия большая изоляция культуры или структуры влечет за собой большую вероятность того, что она будет детерминировать действия своих носителей. Относительная изолированность коммунистическо-социалистической культуры на Балканах, должно быть, явилась одной из причин того, что во время волнений 1989 г. и выборов 1990 г. она оказалась более способной противостоять воздействию антикоммунистических/антисоциалистических выступлений в Албании, Сербии, Болгарии, Румынии, чем в Словении, Хорватии, Чехословакии, Восточной Германии, Венгрии и Польше. Изолированность структуры следует понимать как степень ограниченности доступа для действующих в рамках данного распределения ресурсов к другим группам ресурсов. Примером этого может служить то, насколько люди без собственности, без контроля над организацией лишены ресурсов коллективной власти (посредством автономной мобилизации или доступа к несогласной части правящей элиты). Однако поскольку здесь понятие "структура" относится к модели распределения, именно асимметричная изолированность от совокупности ресурсов или асимметричный доступ к ней имеют решающее значение. Если в данной структуре имущие могут противопоставить коллективной мобилизации неимущих свои ресурсы, например военную силу, то первоначальная структура скорее всего останется стабильной – при прочих равных условиях. В Восточной Европе изолированность власть имущих от военных ресурсов Советского Союза стала решающим компонентом структурной ситуации осенью 1989 г.

б) Соотношение неизолированных культур определяется относительным структурным местоположением принадлежащих к этим культурам индивидов, определяемым извне культуры. В первую очередь речь идет о способности к принуждению, а также об уровне относительного

благополучия. И наоборот, соотношение неизолированных структур определяется относительным культурным положением и степенью уверенности в себе привилегированных и непривилегированных носителей культуры. Здесь общую ситуационную переменную можно обозначить как *относительное культурно-структурное сцепление*.

При условии открытости влиянию чуждой культуры чем больше относительное благополучие или власть носителей данной культуры, тем она должна быть стабильнее и привлекательнее для носителей других культур. Изолированность и относительная власть должны рассматриваться в качестве мультиплицирующих переменных. Например, уменьшение изолированности и увеличение разрыва в уровне благополучия сделали социалистические культуры Восточной Европы весьма уязвимыми и непривлекательными в период 80-х годов. Механизм сцепления культуры и структуры можно рассмотреть и с точки зрения структуры. Так, в Восточной Европе, как и в Западной Германии, сразу после второй мировой войны капиталистическая структура экономики была сильно дискредитирована тем, что ассоциировалась с экономической отсталостью, депрессией и потерпевшим крах нацистским режимом. Идея повального обобществления пользовалась широкой поддержкой. Однако позже (а в Западной Германии очень скоро) исключительные права собственности и значительная дифференциация доходов стали уже рассматриваться в качестве одних из необходимых опор свободы и демократии, поскольку первые стали уже ассоциироваться с послевоенным бумом демократии на Западе.

в) Степень *сродства* двух и более культур и структур, находящихся в контакте друг с другом, как представляется, также должна влиять на шансы данной культуры или структуры подвергнуться влиянию другой культуры или структуры. Продолжим пример с Восточной Европой. Здесь это положение можно проиллюстрировать тем, что наиболее раннее и сильное проникновение западного либерализма и либерального консерватизма произошло в регионах распространения западных религий – католицизма и протестантизма. При контакте данной культуры или структуры с другими культурами или структурами элементы последних, наиболее близкие первым, с большей вероятностью будут приняты носителями исходной культуры или исходного структурного места.

Ни одна из вышеупомянутых ситуационных переменных ни в коем случае не оригинальна. Однако их появление в этом контексте подразумевает, что не существует пропасти между объяснениями в понятиях культурных и структурных характеристик действующих и объяснением с точки зрения их ситуационного выбора. Более того, оба объяснения могут прекрасно дополнять друг друга.

Для всех вышеуказанных типов различных культурных и структурных ситуаций легче делать прогноз последствий, исходя из выбора действующего. Уменьшение изолированности означает расширение спектра выбора и появление вероятности того, что хотя бы некоторые действующие будут совершать выбор из альтернатив, от которых они раньше были отрезаны. При прочих равных условиях следует ожидать, что больше людей будет оказывать предпочтение культуре, носители которой обладают властью и богатством, нежели

культуре, для которой характерны беспомощность и бедность; они будут скорее предпочитать культуру, предоставляющую больше шансов достичь власти и благосостояния, нежели культуру, предоставляющую меньше таких шансов (см. Rogowsky, 1985 о причинах выбора в пользу национализма). Что касается структуры, то нет ничего удивительного в том, что люди станут поддерживать модель распределения, ассоциирующуюся скорее с высоким, нежели низким культурным престижем. Наконец, люди будут проявлять большую готовность принять или сохранять культуру или структуру, родственную чем-то положительному и знакомому; или, принадлежа к двум сосуществующим культурам или структурам, они скорее адаптируют их таким образом, чтобы сделать их более сродными.

Однако не стоит забывать, что принадлежность к культуре конститутивна для действующих, а не является предметом их выбора. Хотя сознательный выбор и может, конечно, быть существенной частью процессов восприятия или отвержения культуры, все же действующий едва ли может выбирать самые важные (в силу оказываемого влияния) элементы культуры только исходя из имеющихся возможностей, независимо от своей предшествующей культурной принадлежности.

9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концептуализация – важное и правомерное теоретическое занятие. Одна из основных задач социальной науки заключается в придании смысла событиям, например краху режимов Восточной Европы в 1989г. Придание социального научного смысла событиям и явлениям, во-первых, состоит в том, чтобы отличить нечто в социальном пространстве от других явлений и, во-вторых, определить место события или явления в потоке времени. В данном контексте это означает ответить на следующие вопросы: каков был тип этой революции? Каков ее исторический смысл?

Тем не менее при всем том, что уже было сказано, сверхзадача социальной науки состоит в объяснении. Почему люди действуют именно таким образом? Почему их действия имеют именно такие следствия (или не имеют их)?

Объяснения, предлагаемые социальными науками, можно дифференцировать в зависимости от того, считаются ли в них объясняющей переменной сами действующие или ситуации действующих. В моделях рационального выбора действующие считаются данными, а ситуации – переменными. Люди действуют именно таким образом, потому что такова ситуация, и они действуют иначе, когда изменяется ситуация, в которой они оказываются. В социологии и родственных ей теоретических течениях – в политической науке, антропологии, демографии, педагогике и социологически ориентированной историографии – наоборот, принадлежность к культуре и/или место действующих в структуре считают основной объясняющей переменной. Люди действуют именно таким образом, потому что принадлежат к определенной культуре и/или потому, что обладают определенными ресурсами для этого. И действия людей различны в той

мере, в какой различны культуры, носителями которой они являются, и/или различно их место в структуре.

Здесь важнее и плодотворнее выявить то, что является общим для широкого спектра социологов, и соотнести это общее с другими течениями социальной науки, а не сводить дело к размежеванию конкурирующих теоретиков и соперничающих парадигм. Этот социологический "основной поток" требует всеобъемлющей кодификации как основы признания достижений и определения лагун и, следовательно, как фундамента дальнейших построений. Однако многообещающим может быть и соединение социологического видения дифференцированных действующих с близкими по духу интеллектуальными усилиями по развитию методов структурного анализа. Надо посмотреть, как различается поведение действующих, принадлежащих к разным культурам и занимающих разное место в структуре, в различных культурных и структурных ситуациях.

В рамках этой последней задачи подход с точки зрения рационального выбора представляется плодотворным для понимания механизма изменения или сохранения культурной принадлежности и местоположения в структуре в результате выбора или поступков действующего. Освобожденная от допущения о стабильности универсальных предпочтений интерпретация человеческого действия как проявления рационального выбора при наличии ограничений является центральным звеном того, что М.Вебер называл "*понимающей*" (*verstehende*) социологией. Целерациональное поведение (*zweckrationales Sichverhalten*), или "поведение, доступное рациональному толкованию" (*das rational deutbare Sichverhalten*), очень часто позволяет конструировать наиболее подходящий "идеальный тип", считал Вебер (Вебер, 1990, с.496). Теория рационального выбора занимает законное место в социологии, и противоборство с хорошо разработанными моделями первой может способствовать развитию последней. Однако недавняя междисциплинарная дискуссия вновь укрепила старое социологическое убеждение в том, что нормы, верования и идентичности нередуцируемы к целерациональности. Разрядить напряженность между этими двумя соперничающими выводами – вот, на мой взгляд, самый верный путь.

ЛИТЕРАТУРА

- Беккер Г.С.** Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS, 1993, т.1, вып.1, с.24–40.
- Вебер М.** О некоторых категориях понимающей социологии. [1922]. В: М.Вебер. Избранные произведения. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
- Льюс Р.Д. и Райфа Г.** Игры и решения. Пер. с англ. М.: Иностранная литература, 1961 [1957].
- Тернер Дж.** Аналитическое теоретизирование // THESIS, 1994, т.2, вып.4.
- Уильямсон О.И.** Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS, 1993, т.1, вып.3, с.39-49.
- Хабермас Ю.** Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS, 1993, т.1, вып.2, с.123–136.
- Шлезингер А.М.** Циклы американской истории. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1992 [1986].

- Alexander J.** The Centrality of the Classics. In: A.Giddens and J.Turner (eds.). *Social Theory Today*. Cambridge: Polity Press, 1987.
- Alexander J.** *Action and Its Improvements*. New York: Columbia University Press, 1988.
- Alexander J.** On the "Autonomy" of Culture. Introduction to: J.Alexander and S.Siedman (eds.). *Culture and Society: Contemporary Debates*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Alexander J. et al. (eds.)**. *The Micro-Macro Link*. Berkeley: University of California Press, 1987.
- Alexander J. and Colony P. (eds.)**. *Differentiation Theory and Social Change*. New York: Columbia University Press, 1990.
- Almond G. and Verba S.** *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press, 1963.
- Archer M.** *Culture and Agency*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Axelrod R.** *The Evolution of Cooperation*. New York: Basic Books, 1984.
- Axelrod R.** An Evolutionary Approach to Norms // *American Political Science Review*, 1986, v.86, no.4, p.1095–1111.
- Ball-Rokeach S.J.** Media Linkages of the Social Fabric. In: J.Short (ed.). *The Social Fabric*. Beverly Hills: Sage, 1986, p.305–318.
- Barth F. (ed.)**. *Ethnic Groups and Boundaries*. Boston: Little, Brown, 1969.
- Basu K. et al.** The Growth and Decay of Custom: The New Institutional Economics in Economic History // *Explorations in Economic History*, 1987, no.24, p.1–21.
- Becker G.** *The Economic Approach to Human Behavior*. Chicago: Chicago University Press, 1976.
- Berger J., Wagner D. and Zelditch, Jr. M.** Theoretical and Metatheoretical Themes in Expectation States Theory. In: H.J.Helle and S.N.Eisenstadt (eds.). *Microsociological Theory*. London: Sage, 1985.
- Berkowitz S.D.** Markets and Market Areas: Some Preliminary Formulations. In: B.Wellman and S.D.Berkowitz (eds.). *Social Structures: A Network Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988, p.261–303.
- Black D. (ed.)**. *Toward a General Theory of Social Control*. Orlando (FL): Academic Press, 1984.
- Blalock H.** *Basic Dilemmas in the Social Sciences*. Beverly Hills: Sage, 1984.
- Blau P.** *Inequality and Heterogeneity*. New York: The Free Press, 1977.
- Blau P.** Contrasting Theoretical Perspectives. In: J.Alexander et al. (eds.). *The Micro-Macro Link*. Berkeley, University of California Press, 1987, p.71–85.
- Cohen M., March J.K., Olsen J.** A Garbage Can Model of Organizational Choice // *Administrative Science Quarterly*, 1972, no.17, p.1–25.
- Coleman J.** *Foundations of Social Theory*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press, 1990.
- Collins R.** *Theoretical Sociology*. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1988.
- Douglas M.** *How Institutions Think*. Syracuse (NY): Syracuse University Press, 1986.
- Douglas M. and Wildavsky A.** *Risk and Culture*. Berkeley: University of California Press, 1982.
- Elster J.** *Sour Grapes*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Elster J. (ed.)**. *Rational Choice*. Oxford: Blackwell, 1986.
- Elster J.** *Solomonic Judgements*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989a.
- Elster J.** *The Cement of Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989b.
- Etzioni A.** *The Moral Dimension*. New York: The Free Press, 1988.

- Field A.J.** The Problem with Neoclassical Institutional Economics: A Critique worth Special Reference to the North-Thomas Model of Pre-1500 Europe // *Exploration in Economic History*, 1981, no.18, p.174–198.
- Field A.J.** Microeconomics, Norms, and Rationality // *Economic Development and Cultural Change*, 1984, no.32, p.683–711.
- Gerschenkron A.** *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Cambridge (MA): Belknap Press, 1962.
- Giddens A.** *The Constitution of Society*. Cambridge: Polity Press, 1984.
- Giddens A.** *Sociology*. Houndmills Basingstoke: Macmillan, 1986.
- Giddens A.** *Social Theory and Modern Sociology*. Cambridge: Polity Press, 1987.
- Giddens A.** A Reply to My Critics. In: D.Held and J.Thompson (eds.). *Social Theory of Modern Society*. Anthony Giddens and his Critics. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Giddens A. and Turner J. (eds.)**. *Social Theory Today*. Cambridge: Polity Press, 1987.
- Granovetter M.** Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // *American Journal of Sociology*, 1985, v.91, p.481–510.
- Habermas J.** *Theorie des kommunikativen Handelns*, 2 vols. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1982.
- Harsanyi J.** *Papers in Game Theory*. Dordrecht: D.Reidel, 1982.
- Hirschman A.** *Shifting Involvements*. Oxford: Basil Blackwell, 1982.
- Jervis R.** Realism, Game Theory, and Cooperation // *World Politics*, 1988, v.40, p.317–349.
- Korpi W.** *The Democratic Class Struggle*. London: Routledge, 1983.
- Krasner S.** Sovereignty: An Institutional Perspective // *Comparative Political Studies*, 1988, v.21, p.66–94.
- Luhman N. (ed.)**. *Soziale Differenzierung*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1985.
- March J. and Olsen J.** *Rediscovering Institutions*. New York: Free Press, 1989.
- Merton R.** *Social Theory and Social Structure*. Glencoe (IL): The Free Press, 1957.
- Merton R.** *Social Theory and Social Structure*. Rev. and enlarged ed. New York: The Free Press, 1968.
- Park R.** Human Migration and Marginal Man. [1928] In: R.Park. *Race and Culture*. Glencoe: Free Press, 1964, p.346–356.
- Parsons T.** *The Structure of Social Action*. New York: McGraw Hill, 1937.
- Przeworsky A.** *Capitalism and Social Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Przeworsky A.** Le defi de la methodologie individualiste a l'analyse marxiste. In: P.Birnbaum and J.Leca (eds.). *Sur l'individualisme*. Paris: Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, 1986, p.77–106.
- Ringen A.** *The Possibility of politics*. Oxford: Clarendon Press, 1987.
- Rogowsky R.** Causes and Varieties of Nationalism. In: E.Tiryakin and R.Rogowsky (eds.). *New Nationalisms of the Developed West*. Boston: Houghton Mifflin, 1985.
- Simmel G.** Quantitative Aspects of the Group. [1928. In: K.Wolff (ed.). *The Sociology of Georg Simmel*. New York: The Free Press, (1908) 1964, p.87–177 (First published in G.Simmel. *Soziology of 1908*).
- Smelser N.** *Social Structure*. In: N.Smelser (ed.). *Handbook of Sociology*. Beverly Hills: Sage, 1988, p.103–129.
- Sorokin P.** *Social and Cultural Dynamics*. 4 vols. New York: American Book Company, 1937–1941.
- Stigler G.** and Becker G. De Gustibus Non Est Disputandum // *American Economic Review*, 1977, v.67, p.76–90.

- Stinchcombe A.** Merton's Theory of Social Structure. In: L.Coser (ed.). The Idea of Social Structure. Papers in Honor of Robert K.Merton. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1975.
- Swedberg R. (ed.).** Economics and Sociology. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Sztompka P.** Robert K. Merton. An Intellectual Profile. Houndmills, Basingstoke: Macmillan, 1986.
- Therborn G.** The Ideology of Power and the Power of Ideology. London: Verso, 1980.
- Therborn G.** The Right to Vote and the Four World Routes To/Through Modernity. In: R.Torsendahl (ed.). The State in Theory and History. London: Sage, 1991.
- Tsebelis G.** Nested Games. Berkeley: University of California Press, 1990.
- Turner J.** A Theory of Social Interaction. Cambridge: Polity Press, 1988.
- Van Parijs Ph.** Evolutionary Explanation in the Social Sciences: An Emerging Paradigm. Totowa (N.J.): Rowman and Littlefield, 1981.
- Verba S. et al.** Elites and the Idea of Equality. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1987.
- Wellman B.** Structural Analysis: From Method and Metaphors to Theory and Substance. In: B.Wellman and S.D.Berkowitz (eds.). Social Structures: A Network Approach. Cambridge (MA): Cambridge University Press, 1988, p.19–61.
- White H.** Varieties of Markets. In: B.Wellman and S.D.Berkowitz (eds.). Social Structures: A Network Approach. Cambridge (MA): Cambridge University Press, 1988, p.221–260.
- Wildavsky A.** Choosing Preferences by Constructing Institutions: A Cultural Theory of Preference Formation // American Political Science Review, 1987, v.81, p.3–21.
- Williamson O.** The Economic Institutions of Capitalism. New York: The Free Press, 1985.
- Wright E.O.** Classes. London: Verso, 1985.